

Оксана Охлобыстина: Ребро Ивана

Актриса Оксана Арбузова умерла. И виной тому Иван Охлобыстин. Я — соучастница. Этот носатый, картавый малоприятный человек стал моим тотемным божеством. А я, Оксана Охлобыстина, позвольте представиться, — его «деко-а-ция». Так, мило грассируя, изволит величать меня любимый.

Явление Ивана Охлобыстина в мою жизнь пришлось на момент катастрофы. Начался тот кошмар на втором курсе института. Я была молодой, красивой, удачливой актрисой. И вдруг перестала сниматься. Просто отказывалась от предложений — без причин. Или соглашалась, но на пробы не являлась. В какой-то момент я с ужасом осознала, что не хочу ничего. Ничто не имело ценности и смысла. Наступил период жуткой, затяжной депрессии: сутками валялась на кровати с остановившимся взглядом. Все раздражало, хамила всем без разбору — я была невыносима. Друзья в тот момент от меня отвернулись.

Кошмар нарастал как снежный ком, объяснения этому у меня не было. Откуда было знать тогда, что безразличие к Богу ведет к безразличию ко всему остальному, ведет к распаду, что для того чтобы родиться, нужно умереть. В духовном смысле. Тогда я была вполне готова к реальному суициду. Не знала иного способа избавиться от состояния внутреннего ада, смерти — ощущения черной трубы, из которой нет выхода. Не знаю, чем бы это все кончилось, если бы Господь не протянул мне руку. Это была рука отца Иоанна, тогда еще Ивана Охлобыстина. «Я спасу тебя, любимая!» — сказал он. И не обманул.

Было это так. Мне нужно было аккредитоваться на Московский кинофестиваль. В Доме кино, как всегда, роились толпы людей, издавая мерный гул. Я, кивая во все стороны знакомым, иду по лестнице вверх. Он — вниз. Видит меня, я — его. И звук вдруг выключили. Как в замедленной съемке, мы продолжаем идти навстречу, ступенька за ступенькой, смотрим друг на друга — глаза в глаза. Поравнялись, не остановились, не заговорили. Но взгляды сцепились намертво. У меня шея вслед за взглядом разворачивается на сто восемьдесят градусов, у него шея разворачивается на сто восемьдесят градусов, каждый движется по своей траектории: я — наверх, он — к выходу. И — бац! — дверь хлопнула его по голове. Я рассмеялась. А он крикнул: «Ты будешь моей!» У этого немного кино были десятки зрителей, но я никого не видела и не слышала. Ничего, кроме этих трех слов. Мы были одни — в моей трубе, но она уже не была черной, через открытую им дверь забрезжил свет. Он ушел, а я со всей очевидностью поняла, что люблю его. Не обомлела, не пылала, просто констатировала: вот он!

В тот же вечер мы с друзьями обмывали аккредитацию в культовом клубе «Маяк». И тут подошел он:

— Не желаете прогуляться?

— Да. Если вы отвезете меня домой.

Он взял меня за руку и больше не отпускал никогда. Вот уже пятнадцать лет мы движемся по одной траектории.

Все, что было до Ивана — то есть жизнь Оксаны Арбузовой, — я помню плохо. Моя жизнь разделилась на «до» и «после». Иван Охлобыстин — точка отсчета, начало новой, нашей эры. Все, что было до н.э. — прежняя оболочка, обветшало и отшелушилось с годами. Как в известной русской сказке про Ивана-царевича и Царевну-лягушку.

Память сохранила лишь те срезы, что связаны с дорогими сердцу людьми, органично перекочевавшими в новую жизнь.

Семья Охлобыстиных — шумная и вечно орущая. Друзья говорят: глядя на нас, можно подумать, что итальянцы пришли в православие. Но в редкие минуты покоя в старой тушинской квартире, которая досталась еще моему деду, я предаюсь воспоминаниям, закрываю глаза и слышу шарканье бабушкиных тапочек по паркету. Бабушка была красавицей. Ее первый муж, какой-то ярый комиссар, стрелял в нее, решив, что убил, — застрелился сам. Но об этой трагедии я узнала уже взрослой, а в моем безмятежном детстве было два отягчающих обстоятельства: пятидневка и гастродуоденит. Папа и мама — геолог и юрист — ударно трудились, детей отправляли на неделю за город, в детский сад. Моя старшая сестра Лена поливала горючими слезами всю дорогу до детсадовского автобуса. Я тяжелое расставание с родителями переживала молча. Зато я не могла удержать внутри ни одной доверенной мне тайны. Однажды накануне маминого дня рождения Ленка сказала:

— Я придумала для мамы та-а-кой сюрприз! Не скажу — разболтаешь.

— Ну, Леночка, ну, любименькая, я никому — ничегошеньки, чем хочешь клянусь...

— Я куплю маме... — она выдержала эффектную паузу, — гуся!

Я была в восторге. Гусь! Живой! Ах, как мне было жаль, что это придумала не я! Ну как мне было удержать в себе такую тайну?! Я ходила, наматывала вокруг мамы круги, меня распирало, я терпела, раздулась, как воздушный шарик... и лопнула. «Мамочка, только ты обещаешь, что Ленке не скажешь, она хочет подарить тебе гуся», — выпалила я на одном дыхании.

Мама почему-то восторга не поделила. Гуся на дне рождения не было. Ленка объявила мне бойкот, но я продолжала следовать за сестрой всюду, как те ножки в белых сандаликах в замечательной картине Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» Подсматривала, подглядывала, ябедничала, за что Ленка непрерывно меня лупила.

Я была сладкоежкой, тормоза не работали, поэтому конфеты от меня прятали. Искать их — было любимым развлечением. В этой азартной игре мне не было равных. Я все всегда везде находила и наедалась конфет до отвала. Все знали, что это я. Но мама начинала показательное расследование — всякий раз в надежде на мое покаяние. Все отказывались от совершенного преступления, а я чем хуже, почему я должна признаваться? Я стояла насмерть, клялась всеми клятвами и не сдавалась.

Но у мамы было мощное оружие: она прекращала со мной разговаривать. Это было самой страшной пыткой — и я признавалась во всем. Но упорно продолжала трескать спрятанные конфеты и отнекиваться. Пока не вмешался Господь — после очередного запретного лакомства меня увезли на «скорой». Гастродуоденит истребил мою страсть к сладкому. Добрую часть детства я провела в больницах и санаториях. И дело не только в болях в животе и глотании страшных зондов разных диаметров — мне было плохо везде, где не было мамы и папы. Я была бесконечно привязана к родителям.

Мама с папой создали прекрасную семью. Они никогда не ссорились. Подозреваю, что это вряд ли возможно, но мы, дети, этого не видели. Как они так сумели? Наверное, поэтому подспудно я всегда тоже хотела иметь семью. Мне повезло и со школой — реально, школьные годы чудесные.

Была и школьная любовь: мальчик Андрюша нравился мне все десять лет. Учителя были дивные. Я долгое время хотела стать учительницей, еще хотела быть врачом, но никогда актрисой. Никакой склонности к лицедейству я не проявляла. Но я стала актрисой — только для того, чтобы встретиться с Иваном Охлобыстиным. А с Иваном Охлобыстиным мы встретились, чтобы вместе идти к Тому, к кому рано или поздно придет каждый человек.

Случай — язык Бога. И на этом языке написана любая человеческая жизнь. Случай привел меня в театральный кружок. Это была дружная семья, и поэтому я застряла в нем на годы, а не потому, что хотела быть актрисой.

Потом случился телефонный звонок. Я только вошла домой после спектакля, и судьба голосом нашего чудного руководителя Надежды Семеновны произнесла:

— Оксаночка, тут пришел режиссер. Он видел наш спектакль и хочет пригласить тебя сниматься в кино на роль гимназистки.

— Бегу, — успела выкрикнуть я, скидывая на ходу только что надетые тапочки.

Мне было тринадцать, я так хотела понравиться, что сразу вошла в роль скромной гимназистки. Получалось нелепо — на все вопросы режиссера я в ответ лишь молча опускала глазки, он не мог добиться от меня ни слова. На пробах выяснилось, что я совершенно ничего не умею. Но промысел и моя коса ниже попы сделали свое дело. Меня взяли на главную роль в фильме Леонида Белозоровича «Катенька». Снимали сцену, где главный герой уходит на войну, а Катенька, сестра его невесты, бежит за ним в ночной рубашке, встает на колени и плачет: «Гриша, Гришенька, я вас люблю, она вас не стоит». И дальше такой текст: «У меня зубы мельче — это красивее, я читала, и глаза у меня больше, и ресницы у меня гуще». На этом месте я не могла удержаться от смеха. Вдруг Белозорович говорит:

— Снимай трусы!

— Что-о-о!

— Ночнушка прозрачная, трусы все портят, не было тогда розовых трусов.

— Не сниму! — я была в ужасе.

— Снимешь! Иначе сцену заперешь. И гуд-бай!

Я — в слезы. Это было все, чего он добивался. Я все сыграла. Мой первый фильм прошел скромно — это был «не формат». Очень светлый фильм, мои дети любят его смотреть, и мне за него не стыдно. Вторая картина «Наваждение» Николая Стамбулы тоже не была замечена. Но опять — случай. В Саратове на съемках я захлопнула дверь гостиничного номера, ключ был внутри. Все засуетились, собрались искать администратора. А я с балкона соседнего номера лихо перемахнула на свой балкон и открыла дверь. Это был десятый этаж! У Стамбулы глаза из орбит вылезли. И когда Туманишвили понадобилась этакая оторва для главной роли в фильме «Авария — дочь мента», он посоветовал меня.

Я всегда считала, что я замужем за очень известным человеком. Но только теперь, когда фанаты доктора Быкова не дают нам проходу, я поняла, что настоящая известность пришла к Ивану после «Интернов». В сорок четыре года. А со мной это случилось в шестнадцать! «Авария! Смотрите — Авария!» — неслось отовсюду. На проспекте Калинина красовалась моя фотография, огромная, в размер книжки-высотки. Звездный час! Глянец! Но память ассоциирует этот момент славы не с кайфом, а с соленым привкусом слез, которыми я напоила маму. Все самое отвратительное проявилось во мне именно с наступлением этого звездного часа.

Голову снесло по полной программе. Гордыня поперла из всех щелей. Основная тяжесть этой резкой внутренней трансформации пала на плечи родителей. Я сама мать и с ужасом понимаю, что пришлось выдержать моей маме, потому что хамству не было предела. Вот только не надо включать воображение и рисовать нереальные картины. Я не была калькой с Аварии. Хотя вред лицедейства, о котором пишут святые отцы Церкви, очевиден. Примерила маску Аварии — на, получи! Мистическим образом роль провоцирует, проецируется на реальную жизнь. В той или иной степени. На премьере, на Кубе, один тамошний журналист задал мне вопрос: «Что общего у вас с вашей героиней?» Я не

сумела ответить. Сейчас бы сказала: внутренняя агрессия, непонятно откуда взявшаяся. Сумасшедшая популярность, обрушившаяся на мою неподготовленную душу, стала неподъемной ношей. Слава и для взрослого человека тяжкое испытание, а в нежном возрасте — непосильное. И тысячу раз надо подумать родителям, прежде чем отдавать детей в киношную среду. Минута славы может обернуться годами мучительного преодоления последствий этой минуты.

Мою глубокую привязанность к родителям сменило равнодушие, родительский авторитет — главенство собственного «я». Появилась внутренняя установка — никто мне не указ. Постоянно говорила: «Это мое дело», «Я сама лучше знаю» — «я», «я» и еще раз «я». И все это — тоном совершенно недопустимым, тем более с моей трепетной мамой. Но если сейчас каждая мамина слезинка падает прямо мне в сердце, то в те годы я была пуленепробиваема. Мама непрестанно плакала из-за меня. А я, забывшись на студенческих вечеринках, не приходила домой ночевать, не считая нужным даже позвонить. Мама долгими ночами вымаливала меня слезной материнской молитвой. И какая это была молитва, известно только Богу, который изменил мою жизнь.

Я хорошо училась в школе, пока не стала ездить в киношные экспедиции. Наш математик, эксцентрично хватаясь за лысую голову, старчески причитал: «Господи, ну за что мне это!» Выводил вместо двоек большие нули или писал в дневнике вместо оценок: «Упала с печки», «Вся в грезах». Так что актерское мастерство в Школу-студию МХАТ я сдала на «отлично», а вот общеобразовательные экзамены завалила с треском, под грохот смеха всей приемной комиссии. Но преподаватели всячески пытались вытянуть меня, задавая детские вопросы:

— Ну хоть в каком году умер Ленин, вы можете вспомнить?

Я ответила:

— Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

Олег Павлович Табаков с неподражаемой улыбкой кота Матроскина констатировал: «Поскольку ваши ответы были несколько парадоксальны, мы возьмем вас вольным слушателем». В этом же году Сергей Соловьев добирал актеров в АРС (актерско-режиссерскую группу), я пошла. Сочинение написала на «два-два». По команде Соловьева мое сочинение переписали, и я была принята. Но с удовольствием ходила только на актерское мастерство. К четвертому курсу я накопила такое количество «хвостов», что когда на доске вывесили листок, где их обнародовали, это были «рельсы в два ряда». Институт я так и не закончила. Зато на четвертом курсе встретила Его.

Как все актеры, я была влюбчива. Но странную любовью. У меня был долгий и страстный роман с Майклом Дугласом. Потом я изменила голливудской звезде с мушкетером Боярским, которого сменил гардемарин Жигунов.

В реальности я тоже была влюблена — в однокурсника, и тоже безответно. Я так переживала, что даже покрывалась вся какими-то болячками на нервной почве. А теперь представим, что мне не ответил взаимностью Иван Охлобыстин... Я бы не покрывалась болячками. Я бы умерла — говорю без

всяких преувеличений. Так понимаешь разницу между любовью и всем остальным. Это когда ты не мыслишь себе жизни без другого человека, ты им дышишь, твоя жизнь перестает иметь значение, растворяется, умирает в другом. И я умерла. В нем. Мой Иван — не царевич. Охлобыстин круче, потому что, в отличие от своего сказочного тезки, разглядел свою суженую под ее прежней «аварийной» скорлупой. А ему достался крепкий орешек.

Меня называли «карьеристкой» и были правы. Я очень хотела сделать через него карьеру. И я сделала ее! Карьеру его жены. И абсолютно счастлива, что я его «деко-а-ция», что он в центре, а я сбоку. Он говорит всем, что называет меня «моя Кыса» просто потому, что букву «р» не выговаривает. И мне нравятся его шутки. Мне вообще нравится все, что бы он ни делал. Но к этому еще нужно было прийти.

В тот вечер, после «Маяка», мы долго гуляли по Москве, сидели на какой-то набережной, болтали под шампанское. Он предложил мне руку и сердце. Моя страшная депрессия тут же улетучилась. Я поняла: что есть — то и хорошо. И что хорошо — то и есть. Это блестящая формула смирения, озвученная Михаилом Рощиным в замечательном фильме «Старый Новый год» во времена глубокого безбожного застоя.

Но место депрессии занял параноидальный страх — потерять. И у нас обоих возникла одна и та же мысль: единственное место, которое нам даст возможность сохранить обретенное, — Церковь. Это было свыше. Откуда еще было взяться этой мысли? Он предложил пойти в храм и причаститься. Мы оба не знали, что это и как это, но назавтра пошли и все узнали в ближайшем храме. Нам велели попоститься день и прийти на исповедь. Я ужасно боялась. Уйму своих грехов я не считала грехами, только по мере воцерковления глаза открылись. Исповедь была недолгой, а вот служба показалась бесконечной. Причастившись, я пулей вылетела из храма. В тот же день мы договорились с исповедовавшим нас священником о венчании.

— Венчаться будем втайне от всех, вдвоем. Ты будешь в простом ситцевом платьишке, — размечтался Ваня.

— А ты — в косоворотке. Таинство так таинство. Без всякого пафоса, — вторила я.

Но мама сказала, что это не только наш праздник, что мы не имеем права лишать ее радости и все будет как у людей.

«Мама всегда п-рр-ава», — отреагировал Ваня.

И в секунду уничтожил «аварийные» последствия — детская привязанность к родителям вернулась и утроилась, авторитет родителей занял надлежащее место, видеть их, быть рядом снова стало необходимой потребностью. Мы с Ваней хотели немедленно подать заявление в загс, но у нас не было документов. Накануне он стал виновником аварии, пострадавший майор милиции отобрал у нас паспорта до момента выплаты ущерба. Денег не было. Мы взяли с собой Диму Харатьяна, и бюрократические баррикады Грибоедовского дворца рухнули перед натиском обаяния главного гардемарина — дату свадьбы назначили.

В эти же дни между нами произошла самая страшная за всю нашу жизнь ссора. Из-за Брюса Уиллиса и Стивена Сигала. Ваня считал Брюса круче, а я наоборот. Мы орали друг на друга до посинения. Я заявила: «Раз так, я не буду твоей женой». Теперь-то я понимаю, что это было искушение после причастия — обычное дело. И признаю, что ошибалась, — Брюс круче. Ваня тоже признал и преклоняется теперь перед Сигалом. Но мы больше не ссоримся по этому поводу, мы смеемся.

Состоялось и официальное сватовство. Жениха ждали к четырем часам, он не пришел — ни в четыре, ни в пять и ни в шесть. Мы просидели за накрытым столом до вечера. Как Каменный гость, он явился в полночь. К этому времени все были крайне раздражены. Раздался звонок, мама открыла дверь. Жених с невымытыми засаленными волосами, в каких-то мокалинах на босу ногу, стоял на коленях и держал в зубах ромашки, которые сорвал на ближайшей бензоколонке. Так, молча, он просил прощения. За столом все еще были сильно напряжены, он решил разрядить обстановку, встал и сказал: «Валентина Степановна, я хочу, чтобы вы знали обо мне все», — и сорвал с себя рубашку. Все увидели его зататуированный торс.

Маневр удался — мама оттаяла и пала под натиском искренности и невероятного обаяния Вани. Папа свое благословение шепнул мне на ушко: «Он от тебя сбежит, потому что ты тупа как пробка. Ты вот что: покупай с утра газетку, учи наизусть, а вечером ему пересказывай — за умную сойдешь». Ваня хохотал от души.

Поскольку я не обладаю ни его умом, ни обаянием, страшно боялась не понравиться его маме. «Не бойся, любимая, моя мама — хохотушка», — успокаивал он. Альбина Ивановна, уютная, домашняя и веселая, встретила меня так, что сразу стало легко и просто. Мама спросила младшего сына:

— Ну что, Стасик, отдадим Ваньку?

— Ага, — что-то дожевывая, благословил девятилетний Стасик.

Сказано — сделано. Рано утром четвертого октября 1995 года мы поехали венчаться. Не было еще понимания, что мы стоим перед Богом, но от незнакомого радостного чувства, волнения и ответственности ладони были влажными. Я не понимала слов «да прилепится муж к жене своей», но чувствовала, что это важно. Зато на словах «да убоится жена мужа своего» на лице моего мужа отразилось состояние полного счастья. У нас есть одна-единственная фотография. Из окон храма бьют два луча солнца и падают к нашим ногам. И такое ощущение светлое, чистое, будто наши ангелы-хранители рядом. Мы очень устали, но когда таинство свершилось, я была счастлива — не потому, что закончилось, а потому, что поняла: «Он — мой!»

В тот же день были регистрация и свадьба, очень помпезная — в ресторане МХАТа. С морем цветов, шампанского и именитых гостей — Ваня постарался от души. Но на свадьбе не было испытанного на венчании чувства — как его определить словами: может быть, это называется словом «благодать»? Я только и думала: как бы не сверзиться с высоких каблуков, не наступить на платье, как бы не то, как бы не это.

Вся свадьба перекочевала из ресторана к нам домой и гудела неделю. Саша Скляр, как был в смокинге и туфлях, рухнул в спальне. Мы сидели в другой комнате, пили-пели, я там же прикорнула на диванчике прямо в невестинном платье. Мой заботливый муж перенес меня в спальню, уложил рядом с Сашей Скляром и стал шелкать фотоаппаратом. Потом демонстрировал всем документальное доказательство супружеской неверности в первую брачную ночь.

Свадебного путешествия не было, потому что Иван Охлобыстин — трудоголик, работает безостановочно. Но на наличии денег почему-то это не сказывалось. Свадьба была в долг, кольца купили самые дешевые. Все, что нам подарили, мы отдали майору милиции. На оставшиеся деньги Ваня купил в нашу съемную двухкомнатную квартирку на «Первомайской» три самых нужных вещи: блаухаунда Ханса, бильярдный стол и фонтан. В бильярд поиграть мы так и не смогли, потому что кий упирался в стены, он радовал только Ханса, который использовал его зеленое сукно как когтеточку. Фонтан, украшенный парочками влюбленных и голубей, своим монотонным плеском вызывал непрерывный энурез у гостей, и мы его спешно подарили. Собаку пришлось отдать, когда родился первенец. Жить мы умели.

Я никогда специально не принимала решения перестать быть актрисой. После свадьбы мне поступило заманчивое предложение сниматься в Германии. Мы купались в любви, и расставаться не хотелось, но муж отреагировал неожиданно: «Пригласи режиссера, посидим, побалакаем, видно будет». Режиссер пришел в гости. Вдруг мой муж мало-помалу начинает ему хамить, дальше — больше. Тот обиделся — нет роли.

Потом Валера Тодоровский звал меня в «Страну глухих» на одну из главных ролей. Это было лестно, но я была беременна, съемки для меня в этот период неприемлемы. Может, я бы и хотела поработать, но потом была беременна перманентно. Тут уже не Иван влиял на ситуацию, а Господь, который непрерывно дарил нам детей. А сегодня я хочу совершенствоваться только в одной профессии — жены и матери.

«Ах какой хорошенький!» — произнесла врач, глядя в ультразвуковой монитор. Это был следующий — после Ваниного предложения — самый потрясающий момент в жизни. Рот приклеился к ушам, как у Буратино. Я блаженствовала под волшебные слова: размер плода, сердцебиение... Муж тоже. Мы сидели, обнявшись, и представляли, как толстый розовощекий бутуз будет бегать по квартире, как будет много-много детишек. Но первый обязательно будет мальчик-бутуз. Всю беременность мы называли его Егорушкой. На УЗИ Анфиска упорно показывала попу, но народная примета — острый живот — обещала мальчика. Токсикоз был лютой, как во все мои беременности. Анфиска угрожала выскочить раньше времени — ей не нравился запах сигарет. Я дала слово бросить курить, и угроза миновала. Больше я не курила никогда.

Рожала я в Первой инфекционной больнице, где рожала меня мама. Но у мамы были показания, а у меня — просто знакомый врач. Гепатит у меня обнаружили после третьего ребенка. И вопреки обывательскому мнению, на детях он не отражается. Сейчас болезнь сходит на нет. Временами я пью лекарства, но главным своим врачом считаю Господа — меня исцеляет частое причастие.

Вопреки ожиданиям, я родила девочку и чуть не упала со стола. Роды были нормальными, но у меня от боли был такой шок, что счастливому отцу и маме я категорически заявила, что больше рожать не стану никогда.

Анфиса — первенец. Особая радость и особая тяжесть. Я была совершенно сумасшедшей мамашей — все приводило меня в паническое состояние. Анфиса начала орать, как только вылезла на свет, и не прекращала никогда, по ночам ее просто зашкаливало в истерике. Когда после роддома мы развернули орущий кулек, а там — все малюсенькое, я боялась ее пеленать, чтобы не сломать чего-нибудь. Пришла патронажная сестра и стала извергать страшные диагнозы:

«Дисбактериоз! Мастит! Молочница!» И хотя это яйца выеденного не стоит — тогда ко мне можно было вызывать реанимационную бригаду.

«Ничего не бойся! Я спасу тебя, любимая», — сказал Ваня и все сделал сам. Анфиса — егоза, пеленал он ее нешадно, подмывал, купал, лечил. С тех пор эта его волшебная фраза «Я спасу тебя, любимая» работает безотказно. Стоит ему произнести ее, и в самой тяжелой ситуации на душе наступает покой. Он может, в принципе, потом ничего и не делать — мне уже хорошо. Он обожал своего первенца. Когда акушерка показала ему в первый раз из окна Анфису — он станцевал ей потешный танец! Медсестры ухохатывались, такого роддом еще не видел. Он зацеловывал дочь, называл ее Агулькой-Агуленькой. А я называла Заюшенькой, Козюленькой и Принцессой.

Анфиса была болезненной, не было ни минуты покоя. Мне бы не справиться, если бы не мама с папой: моя безотказная надежная опора, наша семейная «скорая помощь» и служба спасения. Несмотря на это, недосып и усталость были хроническими, я раздражалась, мечтала о том, чтобы Анфиса наконец научилась обходиться без меня. И тут я забеременела Дусей, не прошло и полугода. Это был шок.

Но Дуся давалась легко. Добрые люди посоветовали, и я воспитывала ее по системе, по которой категорически нельзя воспитывать детей. Если ребенок кричит, не нужно бежать к нему сразу — это баловство: покричит и перестанет. И Дуся мало нас беспокоила. Каждое утро начиналось с того, что она своим грубым голосом лепетала: «Ада, ада». Мы смеялись. У нее было прозвище Гуся, Гусинда — она была похожа на гуся, все-таки появился в доме живой гусенок. Однажды мы смотрели кино, Дуся в соседней комнате заплакала. Перестала. Снова заплакала. Перестала. Странно, думаю. Захожу в комнату и вижу такую картину: стоит Анфиса в своей кроватке — ей чуть больше года — с закрытыми глазами, с соской во рту и качает Дуськину коляску. Я поняла — двое лучше, чем один. Анфиска переключала внимание Дуси на себя. Я же могла часами просто любоваться их игрой в манеже.

В общем, Дуся была полной противоположностью Анфисы. Спокойная и невозмутимая до одури. Как-то с детьми сидел друг семьи Димка Селезнев — верное наше сердечко. Анфиса ему жалуется:

— Дуся меня укусила.

— Дуся, — внушает Дима, — не смей кусать Анфису.

Дуся молчит. Через несколько минут снова входит Анфиса и демонстрирует укус.

— Дуся, — продолжает воспитательный процесс Дима, — если ты еще раз укусишь Анфису, мне придется тебя выпороть!

Дуся молчит. Через пять минут Анфиса уже вся в слезах:

— Дима, Дуся меня укусила.

— Дуся, ты кусала Анфису?

— Да, — отвечает Дуся.

Дима от души шлепнул ее по заднице. Но решил проследить за происходящим. Приоткрыл дверь в детскую и видит: Анфиса подсовывает руку Дусе — «Ну, укуси, укуси меня!» И Дуся послушно кусает.

Отношения Дуси и Анфисы всегда были соперническими. Сейчас, когда Анфисе четырнадцать, она даже рада, что я оставляю младших детей на Дусю. Анфиса более безалаберная, тщательнее, правильнее все сделает Дуся. А раньше у них всегда шла борьба за первенство, за старшинство.

У маленькой Анфисы я ассоциировалась с Божией Матерью. Она показывала крошечным пальчиком на ее икону и говорила: «Мама». Как-то ко мне пришел одноклассник, я налила ему супу, а сама ушла кормить грудью Варю. Анфиса сидела, подперев подбородок ладошкой, и внимательно наблюдала, как Миша хлебает суп ложкой. И выдала: «Знаешь, Миша, когда я вырасту, у меня будут большие сиськи. И я буду ими кормить тебя, маму, папу, бабушку, а Дуську — не буду!»

Дуся была не ребенок, а подарок, и я решила, что это результат нового метода. По этой же методике дети спали в отдельной комнате. Это была чудовищная ошибка, я чуть не расплатилась за нее жизнью третьего ребенка. Вари.

Однажды я оставила ее запеленутую с ручками, накрыла одеялом, прилегла в своей комнате и отключилась. Варя сползла под одеяло и задохнулась. Когда я проснулась, она была в предсмертном состоянии: абсолютно синее лицо и навывкате огромные глаза. Несколько дней она провела в реанимации. Врач развел руками: «Состояние крайней тяжести». И это было делом моих собственных рук. По всему, меня можно было лишиться родительских прав. В ужасе я позвонила своему духовному отцу. Его ласковый голос, такой отеческий, утешил даже тогда, когда это казалось невозможным: «Давайте уповать на Господа и молиться вместе», — и Варя выжила. Батюшка сказал нам: «Надо понимать, что это вымоленный ребенок».

Варечку Ваня держал на руках умирающей, пережитый страх так довлеет над ним, что если бы не я, ей разрешалось бы все. И она умело этим пользуется. По ней, конечно, плачет ремень, очень широкий. Кстати, этот пресловутый тезис отца Иоанна о необходимости жесткого воспитания отцовским ремешком — чистая байка. Он и детей научил: они наперебой радостно вещают доверчивым журналистам, что детей надо бить и от этого они становятся жирными и розовощекими.

Варя очень одаренная, играет на гитаре и поет. Ей все дается легко, она раньше всех научилась читать и, если б не лень, была бы круглой отличницей. Учеба хорошо дается и Дусе, она девчонка целеустремленная, рогом землю роет. Ей однажды класс объявил бойкот, так Дуся, ничтоже сумняшеся, взяла да и объявила бойкот классу. Анфисе же учеба дается тяжело. Сейчас у нее появляются отцовские бунтарские наклонности. Она уже не все принимает как аксиому, хочет дойти своим умом. Это не касается Церкви, она человек верующий. Вот одеваться стала смешно, крикливо, ярко. Отец Иоанн, соблюдая золотую середину, дает детям послабления, покупая всякие подростковые примочки в виде черепов и ошейников с шипами.

Вася — наш долгожданный мальчик — родился в Ташкенте, в самом что ни на есть захудалом роддоме. Свет голый лампы бил в глаза и днем и ночью, как в пыточной. Там же Васю наградили стафилококком и клебсиеллой. Зато отца Иоанна туда пустили сразу после родов. Он очень удивился, что у нас мальчик, был невыразимо рад и умолял меня быть крайне аккуратной и ничего не оторвать ему по неосторожности.

Мальчики в семье — мамины. Они самым нежнейшим образом любят меня. Вася — это отдача, полная отдача. Он замечательный, и он мужичок. Когда видит, что я устала, не в настроении, подойдет, нежно обнимет, поинтересуется, отчего я грустная. Целует мне руки и говорит слова, которые совершенно не ожидаешь от девятилетнего мальчика: «Я благодарен Богу за то, что у меня такая мама», или «Если у меня будет жена, то только такая, как ты», или «Не грусти, мамочка, я никогда тебя не брошу, я всегда буду с тобой». И сердце мое ликует, и грусть отступает. Он с детства претерпевает от девчонок, которые играли с ним как с куклой, наряжая в разные свои одежды. Подозреваю, что они продолжают это делать, но Вася никогда не жалуется. Он все им позволяет и снисходительно прощает их шалости. Вася не избалован, ведь после него буквально на следующий год появилась Нюша. И эта неизбалованность идет ему в плюс. Наш Вася служит в алтаре, и я радуюсь, глядя, как он выносит большую алтарную свечу во время чтения Евангелия.

Нюша — девочка-конфеточка, Петелечка, потому что очень мелкая для своего возраста. Ей — восемь. Они с Васей друг с другом не расставались поначалу, сейчас соперничают, как когда-то Анфиса с Дусей. Нюша спокойная и, как Анфиса, любит читать. Она — натура трепетная, в мою маму. Нуждается в особенной ласке, ее, как котенка, надо все время гладить по шерстке. Она единственная, кто никогда не забывает поцеловать меня перед сном, пожелать «доброго утра» или «спокойной ночи».

А вот Савва излишне избалован мной, ему больше всего досталось моей любви и нежности, потому что он младшенький. Савушка даже во время игры соскучивается, приходит, как кот, сворачивается вокруг моих ног и целует их. Он баловень всей семьи и абсолютный нахал. Сейчас Савва сломал бедро, лежит в гипсе, раздает всем указания и совершенно обнаглел. Иногда мне хочется шлепнуть его, но на попе гипс.

Так от всех детей вместе и от каждого в отдельности я мощными дозами получаю инъекцию любви, которая дает мне могучую силу жить. Это и есть настоящий кайф материнства. Досужее мнение, что быть многолетней матерью — это бремя и мука, не глупость даже, а просто неведение. Трудно быть матерью одного ребенка, это уж я теперь точно знаю. С рождением каждого следующего — только легче. Во-первых, материнский опыт. Во-вторых, дети плачут от недостатка любви и внимания. Тут старшие незаменимы, они наперебой тискают и таскают малышей.

Помню, как-то вошла к детям в комнату, а они молятся все вместе: «Господи! Пошли маме ребеночка, нам так хочется еще братика или сестренку!» Я замахала руками, как ветряная мельница: нет-нет, ни в коем случае. Тогда я чувствовала себя уставшей, мечтала выспаться. Придумка о предохранении для меня всегда была омерзительной, даже физиологически. Единственный приемлемый для меня способ контрацепции — пить кефир. Как в старом анекдоте: не «до», не «после», а «вместо». Я уж не говорю об абортах.

После Нюши я потеряла одного зачатого ребенка. УЗИ показало — «плод замер». Я не хотела верить, повторила исследование в трех местах — увы. Когда приехала в больницу, у меня уже начался выкидыш. Это не был аборт. Но состояние, когда из тебя вытаскивают дитя, я пережила. Это страшно. У меня был тяжеленный стресс. Так что лучше пусть рождаются дети и пусть их будет столько, сколько Бог даст. Вот уже четыре года, как не дает. Мне надоело выспаться. Я скучаю по большому животу, я хочу кормить ребенка грудью. Я хочу этого драйва. Я, как говорят про наркоманов, на игле. Но такая зависимость, думаю, одна из немногих, угодных Богу. И теперь я не против молитв о пополнении семейства, я — «за»!

Мы все и всё делаем с молитвой: едим, спим, учимся. Вся семья соблюдает посты. Все дети причащаются с утробы, маленькими — четыре раза в неделю, сейчас из-за учебы — реже. Но каждое воскресенье и в церковные праздники — все мы в храме и все причащаемся. Это наш образ жизни. Я никому его не навязываю. Поначалу, как все неофиты, я «садилась на ухо» всем входящим, мне не терпелось поделиться тем сокровищем, которое я для себя нашла, всем указать дорогу в храм. Видно, я делала это слишком неумело и навязчиво, потому что отец Иоанн говорил: «Если хотите не верить в Бога — поговорите с Кысой». Теперь у меня иной подход, по слову святого Серафима Саровского: спаси себя и вокруг тебя спасутся тысячи.

Каждое утро, проснувшись, я благодарю Бога за то, что имею, и трижды за то, чего не имею. Потом я бегу и целую спящего мужа. Я могу не поцеловать детей, но мужа целую обязательно. Это не ритуал, это потребность — Ваня полночи стучит по «клаве», как радистка Кэт, поэтому я сплю с детьми и успеваю соскучиться за ночь. Потом я возглашаю подъем детям. Потом истошно, как петух, ору еще и еще. Потому что никто не встает ни с первого раза, ни со второго, ни с третьего. Кого-то надо нежно тормошить, кого-то надо треснуть по попе. Я их понимаю, потому что отсыпаются они только в каникулы, в свободные от школы дни — все в храме. Кроме того, я отвожу их в школу на полчаса раньше, чтобы на обратном пути успеть на службу и причастить Савушку. Потом мы с Савенькой возвращаемся, кормим папу и отправляем на работу.

Если он уходит раньше, никогда меня не будит, требуя завтрака, — деспотизма Ваня лишен начисто. Если я устала и не приготовила, он не устраивает сцен и кормится сам. Пока толпы нет, я суечусь по дому. Ни одна, самая навороченная, стиральная машина не выживает у нас долго, потому что работает безостановочно. Кстати, первая из них появилась в доме только с четвертым ребенком.

Дети возвращаются из школы, все, кто в это время бывает у нас в гостях, просто умирают со смеху — ко мне выстраивается галдящая очередь: мама, помоги! У мамы, увы, часто не выдерживают нервы, и она выходит из себя. Уроки перемежаются беготней по кружкам: Варя — на гитару, Дуся — на гитару, Вася — на рисование, Нюша — на лепку, Анфиса — в бассейн и на английский. У нас крохотная кухня, поэтому кормятся они по очереди: кто раньше прискачет — того и стол. Сейчас я легко оставляю дом на старших девочек, они со всем замечательно справляются: и приготовят на всю семью, и уберут, и помогут младшим с уроками. Я только диспетчер на телефоне. Процесс отхода ко сну у нас мучительный и долгий — квартирка маленькая, неудобная, все дети спят один на другом и мешают друг другу. Кто любит спать со светом и под мою молитву, кто в полной темноте и тишине. Я обязательно и не меньше часа перед сном читаю — Евангелие, Жития Святых, сказки — и большим, и маленьким.

И только они успокоились, за дверью раздается характерное покашливание и — фьють — всех шестерых вихрем сдувает с постелей. Расталкивая друг друга локтями, с криками «Папочка-папулечка» они несутся навстречу отцу Иоанну. Папа для них кумир и незыблемый авторитет. Они со всех сторон облепляют его двадцатью четырьмя конечностями, седлают и зацеловывают сверху

донизу. Все мои усилия насмарку, начинается междусобойчик, процесс укладывания затягивается на неопределенное время.

Но разве я могу их за это наказывать? Тем более что сама — туда же. Радуюсь приходу мужа как ребенок, потому что скучать начинаю с утра. Когда он звонит, я всякий раз расцветаю как майская роза, будто у нас медовый месяц. Мне все время хочется быть с ним рядом, бок о бок, я с трудом дожидаюсь вечера. Поэтому рада, что я теперь у мужа еще и водитель. Отец Иоанн продал свою машину, купил семейный автомобиль, чтобы я могла детей возить. Иногда он звонит, я приезжаю, везу его по делам, а он за моей спиной может продолжать печатать «нетленки». Как ни странно, несмотря на мое озвученное папой скудоумие, отец Иоанн всегда дает мне читать свои тексты. И прислушивается к моим советам. Когда он писал книгу «14-й принцип», со второго этажа дачи регулярно раздавался крик: «Кыса! Сюда! Немедленно! Если ты меня не слушаешь сейчас же, я устрою скандал». И читал мне каждую законченную главу. И мне нравится быть ему нужной. Когда наш папа-работоман позволяет себе отдыхать, мы все вместе ездим в гости, ходим в походы и в лес за грибами.

Сейчас мы в процессе переезда в новый дом, который нам выделило государство — правда, только до совершеннолетия Саввы. Там будет четыре детских комнаты, просторная гостиная. Исполнится мечта, и мы наконец-то всей семьей сможем собраться за одним большим столом. Еще один замечательный подарок — прекрасный отдых в Израиле — мы получили от государства и организации «Благовест». Создавшие ее женщины отправляют многодетных отдыхать совершенно бесплатно. То есть даром.

Господь отмерил мне неизмеримо больше того, о чем я могла просить в самых дерзновенных молитвах. Мы едины — в восьми лицах. И мы счастливы. Как все счастливые семьи, похожи на другие. Но мы — православная семья. И не было бы сегодня охлобыстинских восемь «я», если бы Бог не послал нашей семье духовного отца. И любовь бы наша нас не спасла. Однозначно. Для меня очевидно: счастливых семей стало бы куда больше, будь у каждой мудрый духовный наставник. Не было бы в стране ни разводов, ни демографического кризиса.

Нам повезло. В дом к священнику Владимиру Волгину я попала случайно, еще на втором курсе института. Нас с подругой привел туда мой однокурсник, сейчас он алтарник в нашем храме. Мы пили чай, беседовали. Но прощаясь, батюшка сказал подруге: «Всего доброго! — потом повернулся ко мне и добавил: — А с вами мы еще увидимся. До встречи».

И мы встретились. Через два с половиной года, когда я уже была беременна Анфисой. Мы пришли к нему в гости вместе с Ваней. Там были матушка Нина, ее почти столетняя бабушка Александра Леонардовна, Екатерина Васильева с сыном, теперь уже священником Дмитрием Роциным. Все, как обычно в этом доме, общались за угощением. Но на этот раз я захотела исповедоваться. И если моя первая исповедь длилась не больше пяти минут, то тут батюшка проговорил со мной часа два. Я поняла, что такое исповедь, настоящая исповедь. Уходя, на этот раз твердо знала, что обрела еще одну семью, еще одного отца, что больше не смогу жить без этих людей.

Анфиска младенцем попала в больницу с гнойным лимфаденитом — тогда я впервые увидела слезы на глазах мужа. Я — к батюшке. Он сказал, что надо причащать ребенка как можно чаще. Сначала я исполняла это по доверию к батюшке. Не знаю почему, но я была твердо уверена в том, что только причастие может помочь. Постепенно причастие стало необходимой потребностью и для меня самой. Трудно объяснить. Как объяснить, что дышишь?

Первые годы нам с Ваней было очень тяжело, как, наверное, всем, кто так скоропалительно женился. Это называется — никто не хотел уступать. Мы ссорились ужасно. Причины не важны. Я, инфицированная «аварийным» вирусом, считала, что он должен носиться со мной как с принцессой.

А он приходил с работы уставший, и прыгать вокруг него должна была я. Я не знала, что именно так должна себя вести нормальная жена, и вела себя как ненормальная жена.

У нас был уговор — свои носки он стирает сам. Но Ваня никогда этого не делал, разбрасывая их по всему дому. Я шла на принцип. Собирались горы носков. Анфиса была еще крошечная. Как-то слышу ее голос: «Папа, папа, папа». Я ей: «Папа на работе». Она: «Папа, папа». Смотрю, она сидит под столом и играет с его носком: «Папа, папа». Ваня стал просто выбрасывать носки, надевал новые. Может, эта холодная война закончилась бы разорением, если бы не Анфискина няня. Когда я увидела, как эта чужая женщина, в обязанности которой входило только за ребенком смотреть, молча налила в таз воды и перестирала все грязные носки моего мужа, мне стало стыдно. Больше мы носки не выбрасывали.

И по всем самым дурацким поводам — стыдно вспоминать — я безостановочно мучила отца Владимира. Он терпеливо выслушивал мои глупые жалобы, находил мудрые слова, и мое строптивое сердце остывало. На протяжении многих-многих лет он разными способами пытался внушить мне одну-единственную мысль — жена должна слушаться мужа. Только так можно сохранить семью. И сейчас, по прошествии пятнадцати лет, я с ужасом понимаю, как долго эта простая мысль до меня доходила. И как это мудро, и какое счастье — слушаться мужа. Я готова целовать следы его ног за долготерпение и любовь.

Воцерковление Вани было тернистым. Поначалу, после встречи с батюшкой, он, по обыкновению, был настроен иронически. Игриво шепнул мне после исповеди: «И что ж вы там делали так долго? Можно было успеть не только свою жизнь рассказать, но и мою, и всей родни до седьмого колена». Он любит повторять: «Того, что женщине дано от природы, мужчина добывается всю жизнь». Но мне кажется, дело — в другом. Мой муж — человек талантливый, миром любимый. Наверное, бесы чувствуют, когда чья-то вера может принести огромные плоды, и, как им по статусу положено, строят козни. Святоотеческий опыт свидетельствует: чем выше потенции человека — тем более мощный бес с ним борется.

После первого причастия Ваня пришел в храм почти через год. Это было на Троицу. Мы причастились. А служба все идет и идет — это одна из самых длинных служб в году. Весь храм трижды опускается на колени. Тишина. И вдруг Ваня так экспрессивно перекрестился, то есть буквально треснул себя кулаком в лоб, в грудь, в одно плечо и в другое. На него обернулся весь храм. И перед третьим коленопреклонением он схватил меня и выволок из храма с криками, что беременная женщина не должна так долго находиться в духоте. Мы страшно поругались. Он тут же покаялся отцу Владимиру. И батюшка так же крепко, как он себя, приложил его — престольным крестом.

После Троицы мы стали приезжать только к концу службы, и батюшка не отказывал нам в причастии, чувствуя меру каждого. Если бы было иначе, скорее всего Ваня не пришел бы больше в храм вообще. Отец Владимир мягко и мудро вел его. Мы приезжали все раньше и раньше. Стоять было все легче и легче. В общем, Ваня дольше запрягал, но и вошел глубоко. Скоро батюшка ввел его в алтарь. В какой-то момент Ваня буквально влюбился в Пресвятую Богородицу. По-детски, как ребенок в мать. У него был такой мощный заход в магазин, с зарплаты в «Коммерсанте» он на все деньги купил иконы с образом Богородицы. И если до этого момента он всюду развешивал только мои фотографии, то теперь всюду были иконы. И это не любование живописным искусством иконописца. Это такое благодатное живое ощущение, что икона — окно, через которое реальная, но непостижимая, земная женщина, Богородица, взирает на тебя с небес.

Ваня продолжал писать и сниматься в кино. Но все это вдруг перестало приносить удовлетворение, он работал через силу, чтобы как-то прокормить нас. У него началась жуткая депрессия, как у меня когда-то. Он хотел быть священником, но не считал себя достойным. Я была «за» всеми фибрами души и каждой клеточкой тела. Но он никак не мог решиться, оттягивал разговор с духовным отцом. И продолжал страдать — маялся, ходил с серым лицом. Это видно было только мне. На людях он всегда надевает дежурный смайл и балагурит, а у самого неподъемная тяжесть в душе. Я пригрозила: «Нет сил больше на это смотреть! Если ты не поговоришь с батюшкой, это сделаю я».

И разговор состоялся. Ваня вышел сияющий: «Я, наверное, сошел с ума, но батюшка сказал мне, что я скоро буду священником». Проходят три дня. Случай сводит его с Ташкентским митрополитом Владимиром, тот попросил подвезти его, по дороге у них спустилось колесо. В общем, во время этого дорожного приключения владыка Владимир предложил рукоположить его в сан священника у себя, в Ташкенте. Когда я узнала, у меня все замерло внутри, слезы брызнули. Это было чудо!

У меня перед глазами есть эталон — семья отца Владимира и матушки Нины, я подспудно стремилась и продолжаю стремиться к нему. Матушка Нина — недостижимый пример для меня во всем, я хотела походить на нее хотя бы внешне. Она носит длинную юбку и платок, и я надела. Матушка не носит брюки, и я не стану. Мне никто не запрещал, нет в этом никакого насилия над собой. Вот когда мне нужно было на «Кинотавре» нести на себе вечернее платье — вот это было серьезным испытанием.

Я страстно желала, чтобы Ваня стал отцом Иоанном. А я бы — матушкой Ксенией. Мечта могла стать реальностью, и мы отправились в Ташкент — тогда с тремя детьми. Было и Божие благословение на священство, что стало очевидным уже на обратном пути. Нас задержали на границе — у меня не было с собой свидетельств о рождении детей. Пограничники недоумевали: как по фитюлькиным бумажкам — простым ксерокопиям — мы прошли по дороге в Ташкент две границы без сучка без задоринки?

В дьяконы отца Иоанна рукоположили на Рождество. Предполагалось, что мы пробудем в Узбекистане не больше двух недель. Проходит месяц, другой.

А владыка тянет и тянет. Мне уж срок рожать. Тут владыка назначает день рукоположения, но с условием — если, мол, матушка Ксения до этого времени не родит. Не знаю, почему он так сказал. Может, Господь так испытывает нашу веру и устраивает каждому маленькие, но очевидные чудеса. Всю эту лишнюю неделю я, чувствуя малейшее напряжение в животе, обнимала его и приговаривала: «Ну миленький, посиди еще немножко, ну пожалуйста, не вылезай». Васенька послушался. Отца Иоанна рукоположили на Торжество Православия, наутро я родила первого мальчика.

Такое двойное чудо не могло обойтись без искушений. Есть такой момент во время Таинства рукоположения, когда рукополагаемый должен снять обручальное кольцо в знак того, что обручение с Христом, с Церковью для него первично. Я, переполненная гордостью, не сводила с него глаз. И тут — заминка. Кольцо не снимается. И как же он на меня посмотрел... В глазах была почти ненависть. Не могу передать, как тяжел был для меня этот взгляд в миг исполнения мечты. Слезы радости стали горчить. «Не помню ничего такого, не придумывай!» — сказал мне потом отец Иоанн. Что это было? Может, Господь послал мне это ощущение, чтоб не шибко гордилась?..

Отец Иоанн, как обычно, украшал наш быт всякими прикольными придумками. «Операция «Арамис» (так он назвал рукоположение) завершена, переходим к операции «Ришелье» — линяем», — шутил он. Но «слинять» мы смогли только через полгода. Полагаю, так владыка Владимир испытывал послушание новоиспеченного священника. Зима была необычно морозной для Ташкента, батареи не справлялись — лепнина на стенах в нашей квартире отваливалась от конденсата. Мы укрывались дубленками. Зато нас согревало тепло гостеприимных людей, очень полюбивших отца Иоанна. А весной наступил истинный рай. На фрукты и орехи мы уже просто смотреть не могли — переели. Все бы хорошо, не хватало только Софийской набережной, нашего храма, где ты чувствуешь себя как в некоей оранжерее под присмотром грамотного садовника. Только лютая тоска по нечеловеческой любви духовного отца заставляла рваться в Москву.

Вернувшись, отец Иоанн начал служение в приходе отца Димитрия Смирнова. Он решил для себя, что не хочет получать деньги за служение. Рассчитывал зарабатывать писательством. Он долго работал над сценарием сериала по «Житиям Святых», но не нашел спонсоров. Была масса других

проектов, так сказать, с духовной составляющей — никто денег давать не хотел. Несколько лет мы прожили в состоянии крайней нужды. Были практически на полном содержании одного сочувствующего состоятельного мусульманина. Как-то отец Иоанн сказал: «Я ловлю себя на том, что при встрече с ним просьба о деньгах уже написана в моих глазах. Меня это уничтожает». В то же время за требы — если он кого-то крестил, соборовал, отпевал — он тоже стеснялся брать деньги. Долги были уже космическими. Ему все время предлагали сниматься, но он считал, что не имеет права. Он отказался даже от роли в «Острове», о чем очень сожалеет.

Помню, как я с гордостью говорила, что отец Иоанн не будет больше сниматься. И Господь меня смирил. Мы сдались, Ваня снова начал работать в кино. Когда я провожала его на съемки «Распутина» в Петербург, ужасно нервничала. Отец Иоанн сказал: «Только не говори мне ничего сейчас. Я и так чувствую себя преступником. Просто поддержи меня, просто поддержи».

Я, конечно, помчалась с этим к отцу Владимиру.

— Батюшка, все пропало!

— Ну что вы такое говорите...

Он всегда начинает говорить со мной на «вы», когда я несу чушь. А я только услышу его голос — и, как по мановению волшебной палочки, возвращается надежда. Батюшка сказал, что лучше пусть отец Иоанн снимается, чем впадет в отчаяние.

Потом отец Иоанн обратился с письмом к патриарху Алексию, я всегда буду молиться за него. Он прислал ответ — не помню всего, что там было написано, но точно были слова, что «очень грустно», но «ради семьи» можно. Не было такого, что, мол, снимайся, отец, во славу Божию. Это письмо нас очень поддержало.

Несколько лет отец Иоанн совмещал служение с актерством. Он рад, что может обеспечивать семью. Ему нравится не то, что он актер, а ощущение, что он выполняет свой долг, как он его в данный момент понимает. Но я, как мало кто, понимаю, что эта работа — жертва с его стороны, серьезная жертва. Он написал в одной статье, что теперь видит только деньги и грустные глаза своей жены. Его осудили многие. Отец Иоанн принял решение просить патриарха о временном приостановлении его в служении, чтобы осадить эту волну осуждения, чтобы его образ жизни не рикошетил в существо Церкви.

Представляю, как радовались те, кто считал рукоположение отца Иоанна пиар-ходом. Но только Господь видит сердце человека и может судить. Положительный ответ от святейшего был для меня страшным ударом, несмотря на то, что это произошло по просьбе отца Иоанна. Мы поехали за ответом вместе: нельзя совершать таинства, нельзя носить ни иерейский крест, ни подрясник, пока снимаетесь в кино. Вышли из храма на улицу. В глазах стояли слезы. Меня знобило не то от мороза, не то от расстройств. И отец Иоанн сказал:

— Кысонька, пойдем купим тебе шубу.

— Ты надеешься этим поднять мне настроение?

— Нет. Просто пойдем и купим шубу. У тебя же никогда не было шубы.

Пока я примеряла шубу, к отцу Иоанну подошла незнакомая женщина и, протянув к нему руки, попросила благословения.

«Простите, но я не имею права вас благословить. С сегодняшнего дня я в запрете». — отец Иоанн зашел в примерочную и снял подрясник. Я расплакалась. Женщина подошла ко мне: «Не расстраивайтесь, матушка, священство нельзя снять как шубу. Невозможно перестать быть священником, Христово Таинство нельзя отменить».

Это так. Мне трудно оценить моего мужа как актера, как литератора. Я не могу быть объективной и ориентируюсь на мнение зрителя, читателя. Мне нравятся его потрясающие статьи на духовные темы. Но больше всего мне нравится мой муж как священник. Мне больно, что рухнули мои мечты, что у него нет живота, нет огромной бороды по пупок, что он не может выйти на амвон и сказать пламенную проповедь. Я уговариваю себя, что не все желания должны исполняться. Нужно еще что-то сделать для этого, что-то претерпеть, что-то переосмыслить или просто время должно пройти. Но есть моменты, когда это понимание выше моих сил. Я то и дело впадаю в панику и выношу мозг отцу Иоанну своим раздвоением: хочу, чтобы он вернулся к служению, чтобы он был только священником, но регулярно прошу у него денег. Отец Иоанн всякий раз на всплески моего недовольства терпеливо повторяет: «Кыса, ты что, в Бога не веруешь?»

И я опять недовольна. Но уже — своим недовольством. Потому что как христианка, жена я должна быть довольна всем и за все благодарить Бога. Значит, такой у нас с отцом Иоанном путь. Можем ошибаться мы, немощные человеки, но главный режиссер жизни не ошибается, управляет миром премудро. И все — даже совершенные недоразумения — силен обратить во благо. В секунду, в миг. И мы дождемся этого мига.

Однажды Господь уже сотворил такое чудо с моей жизнью. Актриса Оксана Арбузова умерла. Зато есть Анфиса и Дуся, Вася и Савва, Варвара и Иоанна. Не знаю, кем они станут. Главное, чтобы они не покидали Церковной ограды.

Есть отец Иоанн. Он непременно будет настоящим священником. А я — с ним. Но мне мало просто быть с ним. Его деко-а-цией. Я хочу и должна стать настоящей матушкой, его опорой, его ребром.